

Алматы: Ана тілі, 1992.

2. Оразбаева Ф.Ш. Тілдік қатынас: теориясы және әдістемесі. – Алматы: РБК, 2000 – 208 бет.

3. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. Учебное пособие для филол. факультетов пединститутов. – М.: Просвещение, 1968. – 336 стр.

Д.филол. наук Чекулай И.В., д. филол наук Прохорова О.Н.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Россия

РЕВЕРСИВНОСТЬ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Сравнительно-исторические и типологические исследования, на наш взгляд, направлены скорее на поиск дифференциальных черт различных языковых кодов, нежели на выявление характеристик универсального характера, позволяющих подвести некоторую общую теоретическую базу под описание различных, разноструктурных, имеющих различные генетические корни языков.

Казалось бы, давно пора лингвистам отказаться или признать принципиальную несопоставимость различных языковых кодов, если бы постоянно не возникал один и тот же вопрос, зачастую формулируемый людьми, далёкими от лингвистики: что же позволяет людям, воспитанным в различных общественно-исторических условиях, обладающим различными культурными ценностями и пользующимся в общении разными семиотическими кодами, достигать взаимопонимания, приходиться к взаимовыгодным решениям, осознавать чужие ценности? На наш взгляд, люди разных национальностей и рас, живущие в разных частях света, имеют не только общие биологические параметры, но и определенные механизмы познания действительности и структурных связей между различными элементами этой действительности, которые в той или иной мере отражаются и в общих механизмах языкового структурирования этих знаний.

С этих позиций, как представляется, важным является поиск не столько собственно структурных, или структурно-функциональных, сколько структурно-познавательных характеристик различных языков. В этом плане огромный прогресс был сделан с выходом на передовые позиции такой научной парадигмы, как когнитивная лингвистика. Описание структурирования языковых знаний, детализация таких процессов, как концептуализация и категоризация, явились существенным и необходимым дополнением к описанию значимой структуры единиц разных уровней языковой иерархии.

В то же время в сфере традиционной семантики, в частности, в областях сравнительно-исторического, сравнительно-сопоставительного, контрастивного

языкознания имеются существенные наработки по исследованию семантического взаимодействия различных языков, которые когнитивная лингвистика ещё не в силах переработать из-за обилия проблем исследования внутри конкретных, отдельных или близкородственных языков.

На наш взгляд, приходит время, когда становится насущной потребностью синтезировать данные двух фундаментальных подходов к изучению значения языковых единиц в сравнительно-сопоставительном аспекте. Несомненно, едва ли на данном этапе развития сравнительно-сопоставительных семантических исследований можно говорить о каких-то фундаментальных постулатах общеязыковых механизмов структурирования знания, но вполне закономерным представляется вывод некоторых частных универсальных моделей такого структурирования на основе анализа эмпирических данных о семантике единиц конкретных языков.

На наш взгляд, одной из таких универсалий являются реверсивность, конверсивность и контраверсивность как важнейшие механизмы формирования речи, отражающийся в структурах различных языков.

В лингвистике чаще всего употребляется термин «конверсивность», и, что следует отметить, в его употреблении наблюдается определённая полисемия, или, скорее, омонимия данного термина. Прежде чем мы обратимся к анализу лингвистического понятия «конверсивность», мы бы хотели подчеркнуть те два основных значения, которые входят в круг необходимых терминологических понятий уже студентов-филологов.

Студенты-англисты знакомятся с этим термином в курсе лексикологии при изучении конверсии как одного из доминирующих словообразовательных процессов в английском языке. Как известно, конверсия, или функциональный сдвиг, предполагает образование новой части речи из уже имеющейся на основе приобретения новой функционально-грамматической сущностью (entity в терминологии Л. Ельмслева) иных функциональных характеристик, что характерно для языков аналитического строя (того же английского или, скажем, китайского). С другой стороны, конверсивность, по Ф.Палмеру и М.В.Никитину является типом антонимических отношений особого рода, предполагающим наличия у одного и того же предмета противоположных сторон, у одного и того же действия его противоположенные профили (напр., *покупать*:*продавать*, *жениться*:*выходить замуж* и т.п.).

Сам термин «реверсивность» (англ. *reversion* – перестановка; изменение порядка на обратный; изменение движения на противоположное; *тех.* реверсия) в лингвистике используется, но прежде всего в виде дериватов от него. В лингвистике под реверсивом понимается глагол с семантикой обратного действия (ЛЭС, 1990, с.162). Реверсивный глагол также рассматривается как префиксальный глагол со значением обратного действия по сравнению с действием, обозначаемым производящим глаголом (*вязать* – *развязать*) (Ахманова, 2004, с.105). Термин «реверсивная параллельная конструкция» употребляется

И.Р.Гальпериним для обозначения структур с двумя последовательными предложениями или частями предложений, в которых порядок слов одного из них инвертирован по сравнению с порядком слов в другом (Гальперин, 1981, с.209).

В настоящей работе под языковой реверсивностью понимается своего рода возврат к прежнему состоянию ситуации, выражающийся средствами языка, но возврат, не восстанавливающий *status quo*, а ведущий к дальнейшему развитию ситуации, выраженный, тем не менее, средствами языка именно как возвращение «на прежнее место».

На лексическом уровне реверсивные отношения выражаются лишь в результате логической операции импликации. Например, в таких отношениях находятся слова «выстрел» и «откат», или «отдача», поскольку обязательным объективным следствием выстрела из артиллерийского или стрелкового оружия будет его обратный импульс, передаваемый данными словами, а, с другой стороны, откат или отдача без выстрела невозможны (кстати, в английском языке эти оба понятия передаются одним словом *recoil*). В подобных отношениях находятся также эмоционально-оценочные понятия, такие как «обида», «оскорбление» и «месть», понятия, характеризующие противоположные фазы процесса жизнедеятельности (например, «болезнь» и «выздоровление», «сон» и «пробуждение») и другие. Но в этих случаях присутствует несколько иная степень импликации, определяемая категорией модальности. За обидой не обязательно следует месть, а сон иногда не заканчивается пробуждением, в то время как выстрел и отдача связаны отношениями обязательности.

Наиболее четко категория реверсивности проявляется на синтаксическом уровне в виде такой традиционно относимой к стилистическим явлениям модели, как *хиазм*. Именно *хиазм* позволяет глубже вникнуть в суть исследуемой категории и определить ее основные семантические параметры. Семантическую природу *хиазма* очень точно, на наш взгляд, раскрывает Б.Ю.Норман: «*Хиазм по своей природе многогранен; в нем, как в фокусе, сходятся интересы различных языковых уровней и аспектов. С позиций речевой деятельности, это один из механизмов формирования лексико-грамматической структуры высказывания. Если подходить к нему с точки зрения синтаксиса, то он занимает свое место в ряду конструкций, построенных по принципу синтаксического параллелизма. Его можно анализировать также в связи с проблемой измененного (инвертированного) порядка слов. Если рассматривать хиазм под углом зрения лексики, то перед нами – специфическая разновидность лексико-семантического повтора: развертывание фразы происходит в таком случае за счет единиц, уже (только что) использованных говорящим*» (Норман 2010: 184).

Как видно из приведенной краткой, но емкой характеристики *хиазма* как речевого явления, это многогранное явление. Оно затрагивает не только синтаксический, но и лексико-морфологический уровень. Мы располагаем данными о том, что в рассматриваемых языках *хиазм* как стилистическое явление может затрагивать и уровень фонетических единиц. Так, например, в известном

юмористическом высказывании, построенном по структуре хиазма *Женщины, мужайтесь! Мужчины, женитесь!* юмористический эффект создается комплексом лексико-морфолого-фонетических факторов, и, по нашему мнению, «зерно» такого эффекта во многом создается именно метатезой начальных звуков обращения и глагола в повелительном наклонении. Аналогичный эффект наблюдается и в следующей реверсии узуально зафиксированного в английском языке устойчивого словосочетания *to sell one's soul/birthright for a mess of pottage* (русскоязычный эквивалент: «продать свое первородство за миску чечевицы»), которое является дополнительным средством речевой характеристики несколько экстравагантного в речах и в поведении персонажа, который хочет выглядеть остроумным в кругу своих друзей, произнося следующий каламбур:

«What Barbara means,» Brett said, pouring more Don Perignon, 'is that I've sold my soul for a mess of pottage.» He glanced around the apartment. «Or maybe a pot of message» (A.Hailey. Wheels).

По большому счету, синтаксическая реверсивность задается тематическими отношениями и в структурах, не обязательно имеющими выход в стилистический анализ. С этих позиций даже простой общий вопрос типа *Купили мебель?* предполагает структурно реверсивный ответ, отличный от кратких *Да* и *Нет*, в частности: *Мебель купили* или *Мебель не купили*. Как нетрудно заметить, реверсивность в данном случае выражается порядком слов. Реверсивность вопросов в английском языке достаточно четко выражается в виде так называемых *disjunctive questions*, где собственно вопросительная часть представляет собой обратный (реверсивный) порядок главных членов предложения, например *You haven't received my letter, have you?*

В китайском языке наряду с оформлением вопроса специальной частицей *ma* существует, как известно, и другой способ выражения запроса информации, выражаемого реверсивной структурой *V bu V*, где *V* – это глагол, а *bu* – отрицательная частица, соответствующая русскому *не* или английскому *not*.

Как нетрудно заметить, реверсивные лексические и синтаксические структуры являются свойственными различным языкам, независимо от их принадлежности к определенной языковой семье. По определению, «применительно к лингвистике КМ (картина мира) в любом случае должна представлять собой тем или иным образом оформленную систематизацию плана содержания языка» (Корнилов, 2003., с.4). Пока в приведенных примерах реверсивные структуры и единицы, находящиеся в реверсивных семантических отношениях, показывают лишь особенности плана выражения. Несомненно, они имеют определенную специфику при сопоставлении с аналогичными структурами в других языках, но это еще не дает основания утверждать, что различная структурная оформленность, например, общих вопросов в таких языках, как аналитико-изолирующий английский и изолирующий китайский, является показателем особенностей различных языковых картин мира (далее ЯКМ).

На наш взгляд, основания определения реверсивности как важной составляющей ЯКМ следует искать не только в языковых структурах, не только в семантике языковых единиц, а в структуре мышления в целом, безотносительно к тому, менталитет какого языкового социума отражается в подобных структурах. Представляется, что реверсивность является универсальным свойством, или, точнее, универсальной ментальной структурой. Несомненно, любая попытка доказать обязательность реверсии понятия, суждения или умозаключения сугубо с ментально-психологических позиций заранее обречена на провал, поскольку в настоящий момент такого объективного инструмента, который бы фиксировал моменты не только реверсии, но и конверсии, тождественности ментальных структур, реализующихся в виде непосредственно регистрируемых мозговых импульсов, пока не существует. Поэтому пока единственным критерием существования подобных структур является их отражение в форме структур и единиц языка и речи.

Начнем с анализа единиц морфологического уровня, поскольку план содержания начинается именно с этих единиц. Механизм реверсивности, на наш взгляд, на этом уровне наиболее четко представлен таким явлением, как метатеза. Как известно, метатеза – это, прежде всего, явление диахронического порядка, возникающее в результате определенных диссипативных состояний языкового развития. Точнее было бы сказать, что метатеза проявляется не столько на морфологическом, сколько на морфонологическом уровне, поскольку она сопровождается перестановкой отдельных звуков, имеющих различные фонологические характеристики. Так, в истории английского языка подобный процесс произошел в среднеанглийский период в связи с изменением формы флексии сравнительной степени имени прилагательного, когда древнеанглийская форма этой флексии *-ra* сначала в процессе редукции безударных гласных сменилась на *-re*, а затем произошла собственно метатеза *-er*: *ǰ.a. ieldra – c.a. eldre – n.a. elder*.

О морфонологической метатезе можно говорить и в аспекте сравнительно-исторического языкознания, поскольку для языков, связанных «семейным родством», этот процесс носит достаточно системный характер. Например, такое явление можно наблюдать при сравнении германских и славянских слов, передающих понятие «молоко», ср. *англ. milk* и *нем. Milch* с *чеш. mléko*.

Несомненно, это также явления структурного порядка, а не плана содержания. Но в анализируемых языках также достаточно частыми являются случаи метатезы значимых компонентов слова или словосочетания. Следует особо выделить, что это метатезы именно содержательного порядка, поскольку дискретные в плане выражения единицы имеют определенный общий семантический признак. Так, в китайском языке часто встречаются своего рода морфемные «перевертыши», которые передают очень близкие или практически идентичные понятия, например, *mifeng* и *fengmi* (*мед* и *пчела*). Подобные явления встречаются и в других языках, хотя и гораздо реже, поскольку имеют определенные ограничения, например, стилистического порядка, е.г. в русском языке *нейтр.*

кошка и *прост. кошак* (кошка как биологический вид независимо от пола животного). Это уже явления словообразовательного плана.

На лексическом уровне доля звукового совпадения или подобия реверсивных понятий значительно снижается, но зато резко возрастает их общая мотивационная основа. Именно поэтому большая часть семантических реверсивов при различной звуковой форме часто имеет ассоциации по семантической смежности (как в приведенном выше примере *выстрела* и *отдачи*). Иными словами лексическими реверсивами в различных языках являются синонимы и антонимы (*нагревание::охлаждение*, *находка:: потеря* и пр.), а на уровне различных ЛСВ одного слова – энтимосемические значения одного слова, имеющие общую семантическую основу (например, *англ. to scan* – а) просматривать бегло и б) просматривать тщательно; *dust* – а) выгнать пыль; б) пылить, осыпать, напылять).

Особо демонстративной, на наш взгляд, является лексико-семантическая реверсивность в оценочной сфере, поскольку сфера квалификации различных понятий зачастую имеет не только противоположную трактовку как со стороны различных носителей языка в зависимости от их индивидуальных убеждений и взглядов, так и в лице отдельного языкового индивида, в различных условиях по-разному относящемуся к определенному лицу, предмету, явлению, событию. Именно поэтому люди по-разному трактуют такие концепты русской ментальности, как *демократия*, *пьянство*, *богатство* и др. В основе этого, на наш взгляд, лежит различие между ценностью как внезапной в аксиологическом плане ментальной сущностью, и оценкой как непосредственной внешней реализацией ценности в определенных социальных, бытовых и прочих условиях акта семиозиса. С этих позиций ценности в основном получают языковое выражение в форме лексических единиц, а оценки реализуются уже в виде речевых синтаксических структур (Чекулай, 2006).

По этой причине особую наглядность семантическая реверсивность получает именно на синтаксическом уровне в виде предложений и афоризмов, построенных по уже упомянутой выше структуре хиазма, которую И.Р.Гальперин называет непосредственно «реверсивной параллельной конструкцией» (Гальперин, 1981, с.209-211). Именно такие изречения показывают семантическую многогранность ментально-языковой реверсии в интерпретации различных ценностей как в отдельном языке, языковой культуре и, соответственно ЯКМ отдельного историко-этнического социума, так и в универсальной ЯКМ. Так, реверсивная структура присуща многим языковым культурам, начиная с античных народов и кончая современным состоянием умов. Предложения и афоризмы в форме хиазма звучали в устах многих видных мыслителей, политиков, деятелей культуры, искусства и литературы и тем самым легли в основу современного видения мира с общечеловеческих позиций. В качестве примеров приведем лишь некоторые подобные изречения:

- в Священном Писании: *Как вы хотите, чтобы люди поступали с вами, так и вы поступайте с ними* (Нагорная проповедь); *Суббота для человека, а не человек для субботы* (Ев. От Марка, гл.2, ст.27); *Кровь оскверняет землю, и земля не иначе очищается от пролитой на ней крови, как кровью пролившего ее* (Числа);

- в античных культурах: *Умные большему учатся у дураков, чем дураки у умных* (Катон Старший); *Лучше пусть человек нуждается в деньгах, чем деньги в человеке* (Фемистокл); *Если хочешь быть любимым – люби сам* (древнеримская поговорка);

- в европейских культурах: *Сначала ты работаешь на свой авторитет, потом авторитет работает на тебя* (Л.Кумор); *Драма делает театр, а не театр драму* (Б.Шоу); *Люди тратят время на то, чтобы делать деньги, тогда как им надо тратить деньги на то, чтобы делать время* (А.Хирдман); *За деньги покупают власть, а из власти чеканят деньги* (С.Цвейг);

- в латиноамериканских культурах: *Мы убиваем время, но время нас хоронит* (Ж. Машаду д'Асис);

- в восточных культурах: *О, деньги! Иногда кажется, что они есть, а их нет; иногда кажется, что их нет, а они есть* (японское изречение); *Тот, кто учится, не размышляя, впадает в заблуждение. Тот, кто размышляет, не желая учиться, окажется в затруднении* (Конфуций); его же: *Если в человеке естество затмит воспитанность, получится дикарь, а если воспитанность затмит естество, получится знаток писания; Умные не бывают ученые; ученые не бывают умны* (Лао-Цзы), его же *Потеря есть начало размножения, множества – начало потери;*

- в русской традиционной культуре: *Добро есть то, что никем не может быть определено, но что определяет все остальное* (Л.Толстой); его же: *Глупость может быть и без гордости, но гордость не может быть без глупости.*

Поэтому неудивительно, что многие из подобных изречений к настоящему времени не только потеряли авторство и стали восприниматься как народная мудрость, тем самым пополнив фразеологический фонд языка. Как известно, фразеологические единицы в концентрированной форме отражают основные ценности определенной языковой культуры, отражая те типичные ситуации, которые существуют в данном обществе и в сфере человеческих отношений между членами общества. Тем самым они становятся важными репрезентантами ЯКМ. Фразеологизмы с реверсивной структурой отражают, как правило, те ситуации, когда разные ценности, качества, достоинства могут пониматься с различных позиций как противоположные, например:

Рус. Малый не дурак, но и дурак немалый; Господи, убереги меня от друзей, а от врагов я сам уберегусь.

Англ. The long and short of it; Horse and foot (Всеми силами); Live and let live (Живи сам и давай жить другим).

Нем. Leben und leben lassen (Живи сам и давай жить другим).

Следует отметить, что два последних афоризма в английском и немецком языках имеют не только одинаковый план выражения (структурную модель), но и одинаковый план содержания, что также подтверждает мысль об универсальности моделей фиксации концептов в разных языках.

Несомненно, можно поспорить, что хиазм – это, прежде всего, стилистическая фигура, и об этом свидетельствует заимствование данного термина из греческой античной риторики. Но на наш взгляд, использование данной структуры в качестве стилистического явления является не причиной появления реверсивности как категории мышления, а наоборот, следствием реверсивности как одной из основных структур мышления и тем самым средства отражения картины мира в языке и речи. Доказательством этому является тот факт, что реверсивные структуры можно классифицировать исходя из семантических категорий. Так, в частности, можно выделить реверсивные структуры и единицы на основе категории залоговости (*Если хочешь быть любимым – люби; Живи сам и дай жить другим*), реципрокации, т.е. возвратности действия (*Любишь кататься – люби и саночки возить*), отрицания (*Малый не дурак, но и дурак немалый*), т.е. семантических категорий, лежащих в основе грамматической категоризации. Можно сказать, что в целом доля реверсивных единиц и структур на основе семантических структурных и ценностных категорий намного выше, нежели доля сугубо грамматических категорий. В их основе лежит явление семантического контраста как основания важнейшей из ментальных и лингвистических операций – сравнения; в плане морфологическом – возможность употребления дериватов (*умные умны; ученые учены, любишь – люби*).

Контраст может создаваться в реверсивных структурах и в рамках разных языков, если их единицы совмещены в пределах одной синтагмы, для создания определенных прагматических эффектов. В качестве примера приведем фразу школьника из романа известного украинского писателя О.Гончара «Тронка», который, посмеиваясь над отставным майором Ядубой, бывшим начальником концлагеря в ГУЛАГе, в речи которого часто смешиваются украинские и русские слова, пользуется именно этой структурой в высказывании:

Я на нього дивлюсь, а він на мене смотрє.

В данной статье описаны лишь некоторые основные характеристики реверсивности как явления, получающего отражение в языке и речи на различных уровнях иерархической системы языка. Однако, данный феномен заслуживает своего дальнейшего изучения. Как представляется, реверсивность как механизм формирования речи может быть заложена и в семантической структуре дискурсов определенного типа. Его исследование позволит заглянуть в те глубины порождения языковых единиц и речевых структур, которые могут вскрывать другие, не менее важные факторы создания ЯКМ как целостного ментально-лингвистического представления о собственной жизни, жизни определенного языкового коллектива и всего человечества.

Литература:

1. КОРНИЛОВ, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003.
2. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. Энциклопедия, 1990.
3. АХМАНОВА, О.С. Словарь лингвистических терминов .М.: Эдиториал УРСС, 2004.
4. ГАЛЬПЕРИН, И.Р. Стилистика английского языка. М.: Высш. школа, 1981.
5. ЧЕКУЛАЙ, И.В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006.

К.п.н. Царикаева Ф.А.

*ФГБОУ ВПО «Северо-Осетинский государственный университет
имени К.Л. Хетагурова», Россия*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИДАТОЧНОЙ ЧАСТИ ПРИЧИНЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ РУССКОГО И ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Сравнительно-сопоставительный анализ сложноподчиненных предложений (СПП) с придаточной частью причины русского и осетинского языков, произведенный с точки зрения структурно-семантической классификации, последователи которой исходят из всего комплекса структурных признаков, характерных для СПП как особой синтаксической единицы, одновременно учитывая синтаксические значения, связанные с этими признаками, показал, что придаточные причины, обозначающие как в русском, так и в осетинском языках причину того, о чем говорится в главной части, присоединяются к ней посредством причинных союзов *так как «каем», «куыд», потому что, из-за того что, оттого что, вследствие того что, благодаря тому что, в силу того что, затем что, поскольку, благо, ибо «уымæн æмæ», «уый тыххæй æмæ»; æмæ, кæй, æмæ... кæй «что», куыд «как», «что»* и т.д.

В осетинском языке в роли грамматического средства связи выступает также и вводное слово *зæгъгæ*, переводящееся как союз *что*.

Ряд составных союзов в обоих языках в зависимости от смысла, логического подчеркивания придаточного предложения имеют способность расчленяться на две части: первая входит в состав главного предложения как соотносительное слово (*оттого, потому, в связи с тем, затем* – осет.: *уымæн, уый тыххæй*), а вторая – выполняет роль союза (*что* – осет.: *æмæ*). Например: *Но*